

Л.Л. Ивченко
L.L. Ivchenko

**«ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА»
В ИЮНЕ – ИЮЛЕ 1812 ГОДА
(МЕМУАРЫ ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ)**

**“DEFENSIVE WAR” IN JUNE – JULY 1812
(MEMOIRS OF RUSSIAN ARMY OFFICERS)**

В истории начального периода кампании 1812 года существует много дискуссионных проблем, в которых важны не только военно-исторические, социокультурные, но и национальные аспекты. Главной проблемой остается вопрос о наличии у российского командования хорошо продуманного плана боевых действий и насколько он был реализован. Автор статьи рассматривает мемуары русских военачальников, располагавших сведениями о событиях июня – июля 1812 года, и сравнивает различные точки зрения, отраженные в этих источниках.

The beginning of the campaign of 1812 still contains many problems for discussion, where not only military-historical, socio-cultural, but also national aspects are important. The main problem remains the Russian command has a well-thought-out plan of military operations and degree of its realization. The author of the article examines the memoirs of Russian military leaders who had information about the events of June – July 1812, and compares the different points of view is reflected in this kind of origins.

Ключевые слова: 1812 год, «оборонительная война», русские мемуары, историография, историческая память

Keywords: 1812, “Defensive war”, the Russian memoirs, historiography, historical memory

Известный историк А.И. Попов в монографии, отражающей события, связанные с самым началом вторжения армии Наполеона в Россию («прыжок льва»), констатирует неоспоримый факт: «Начальный период знаменитой Отечественной войны 1812 г. прекрасно отражен в источниках и неплохо освещен в исторических исследованиях»¹. Другой, не ме-

нее известный исследователь справедливо отмечает, что период войны с июня по август 1812 года до сих пор содержит немало «вопросов, большинство из которых и сегодня волнуют исследователей, и на которые до сих пор нет исчерпывающих ответов»². Тема остается актуальной, ввиду того, что обрела «второе дыхание» и в так называемых коммеморативных практиках, где «экспертные знания», как отмечалось ранее, далеко не всегда занимают главное место³. В этом сюжете из далекого 1812 года постоянно, по-видимому, будут напоминать о себе, помимо военно-исторического аспекта, идеологический, политический, социокультурный, даже национальный аспекты. Кроме того, существуют личные пристрастия исследователей, какими бы объективными они ни стремились быть.

Нам хотелось бы внести дополнительную ясность в один из самых, пожалуй, «заезженных» сюжетов отечественной историографии: «скифский план». Существовал ли он? И насколько события первого месяца войны соответствовали ожиданиям русского командования? 25 октября 1812 года бывший главнокомандующий 1-й Западной армией и бывший военный министр генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли, удалившись из армии в свое имение («лифляндские гаки»), отправил императору 9 ноября письмо, в котором полностью оправдывал свои действия, ссылаясь на некое «коллегиальное» решение: «<...> Спасая Отечество от предстоящей ему грозы, положить вместе с тем конец бедствиям, в продолжение двадцати лет угнетающим лучшую часть света, предположено было с общего совещания открыть кампанию отступлением к древнейшим нашим границам и, завлекши неприятеля в недра самого Отечества <...> нанести ему удар решительный <...>»⁴ Военачальник называл эту стратегию оборонительной: «Не оставалось ничего более, как вести войну оборонительно; и она таким образом с совещания общего принята»⁵. М.Б. Барклай де Толли весьма определенно писал государю об «общем совещании», к сожалению, не называя ни места, ни даты, ни имен присутствующих, принявших мужественное решение превратить собственную территорию до самых «древнейших границ» в театр боевых действий. «В основе отступления, – утверждал в монографии «Неразгаданный Барклай» известный исследователь А.Г. Тартаковский, – лежал выношенный им [Барклаем. – *Примеч. автора статьи*] еще за несколько лет до того “скифский” замысел заманивания неприятеля в глубь России ради достижения решающего перевеса над его силами»⁶? В качестве доказательства исследователь ссылаясь, прежде всего, на цикл «оправдательных» писем (записок) полководца за октябрь 1812 – январь 1813 годов.

По мнению А.Г. Тартаковского, об «оправдательных» записках Барклая «до середины XIX в. <...> вообще мало что знали в исторической литературе. Публикация некоторых их текстов в конце 1850-х годов, затем в начале 1880-х и 1911–1912 гг. никак не повлияли, однако, ни на биографические штудии о Барклае и историографию Отечественной войны, ни на их собственное изучение. Несколько удачнее, – продолжал свою мысль исследователь, – сложилась в этом смысле судьба только одной записки Барклая – “Изображение военных действий 1-й армии в 1812 году”»⁷. Откуда же тогда почерпнул вдохновляющий сюжет для стихотворения «Полководец» А.С. Пушкин, опубликовав его в журнале «Современник» за 1835 год?

События указывают на то, что тема военного планирования к концу войны, особенно после возвращения в Барклая де Толли к войскам, становилась весьма злободневной. Офицер Семеновского полка А.В. Чичерин уже 19 декабря 1812 года внес в свой дневник на полях для примечаний «Размышления о кампании»: «<...> К тому же тогда думали лишь о том, чтобы выиграть время, и отступали, чтобы скорее закрыть дорогу на Петербург и осуществить соединение обеих армий»⁸. В мае 1813 года в книжных лавках Петербурга поступила в продажу брошюра «Рассуждения о войне 1812 года», написанная «полковником и кавалером по квартирмейстерской части» П.А. Чуйкевичем. И.И. Гангарт, врач 2-й Западной армии генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона, весьма оптимистично оценивал положение своего начальника в начале военной кампании в одном из выпусков журнала «Сын Отечества» в августе 1813 года⁹: «При неожиданном вторжении вероломного врага в пределы России с грозным скопищем разнородных войск началось исполнение плана отступательной войны: то, что ныне всем известно, было в то время тайною одних военачальников»¹⁰. В конце того же года в Петербурге была напечатана брошюра «Краткое обозрение знаменитого похода российских войск против французов 1812 года», издателем которой оказался А.Б. Барклай де Толли, племянник полководца, состоявший при его штабе, а затем писавший под диктовку, редактировавший, «перебеливавший» тексты «Объяснения», «Изображения» и «Оправдания», – трех записок «оправдательного» цикла. А.Г. Тартаковский в ходе текстологического анализа установил, что в основу обеих брошюр П.А. Чуйкевича и А.Б. Барклая де Толли положена записка под названием «Оправдание генерала Барклая де Толли» переданная военачальником в декабре 1812 года императору Александру I.

Важной проблемой является определение вида, по крайней мере, одного документа этого цикла. Для реконструкции относительно непротиворечивой научной версии событий исследователи постоянно цитируют и сопоставляют различные виды источников, хотя в некоторых случаях у них возникают неожиданные предубеждения. В монографии А.И. Попова содержится, на наш взгляд, остроумный пассаж, против такого рода неприязни, высказанной одним из авторов, который решительно «отказался “от большинства так называемых *диахронных источников*”, в которых слишком много искаженного, исправленного задним числом»¹¹, ради того, чтобы отыскать истину в синхронных документах, дополненных “*антохронными источниками*”!» Напротив, нам представляется плодотворным обратиться именно к отвергнутому виду письменных памятников той эпохи, а именно: к мемуарам, принимая во внимание время их создания, возможность авторов влиять на мнения друг друга посредством своих сочинений и личного общения, воздействие опубликованных ко времени создания мемуаров исторических трудов. «Воспоминания <...> доносят до нас неповторимые голоса людей той эпохи с их живой речью, с самим строем их мыслей и чувств»¹², поэтому и «сохраняет свое нетленное значение <...> мемуарная составляющая, ибо все они были участниками той войны»¹³.

А.Г. Тартаковский подчеркивал, что мемуаристика 1812 года интересует его «как феномен культуры» и соответственно определял главную тему своего исследования: «Мы остановимся лишь на тех сторонах источниковедческой характеристики, которые существенны для понимания общих процессов русской мемуаристики 1812 г., сосредоточившись главным образом на двух проблемах – на выяснении того, насколько представителен установленный корпус мемуаров, и на построении его хронологии»¹⁴. Он же отметил, что проблемы, скрытые в этом виде источников, отнюдь не исчерпываются направлениями его научного поиска, считая целесообразным «рассмотреть вопрос об источниковедческой ценности мемуарных текстов <...> или различных групп мемуаров в зависимости от положения авторов в событиях 1812–1815 гг. <...>»¹⁵.

Именно этот аспект в изучении русской мемуаристики 1812 года, представляется нам особенно важным. Причем интересуют нас только письменные свидетельства «самовидцев», непосредственно касающиеся темы статьи, хотя в этом виде источников существует досадный пробел: подавляющее число мемуаристов-«тяжеловесов», вспоминавших в разное время о событиях июня – июля 1812 года, находилось

в период военных действий в 1-й Западной армии М.Б. Барклая де Толли. А.Г. Тартаковский, оценивая «представительность» корпуса мемуаров, писал: «Более или менее связные повествования об Отечественной войне в целом оставили только А.П. Ермолов и Л.Л. Беннигсен. М.Б. Барклаю де Толли принадлежит описание лишь первого периода кампании (до его отъезда из армии 22 сентября)¹⁶. Не разысканы существовавшие в свое время и, вероятно, обширные записки о 1812 г. К.Ф. Толя <...>¹⁷. Заметим, что здесь названы лица, занимавшие высокие должности в 1-й Западной армии, включая самого Барклая де Толли. В начале войны, до своего назначения начальником главного штаба 1-й Западной армии, Ермолов командовал гвардейской дивизией и, судя по запискам, был в курсе многих событий. Беннигсен находился в качестве консультанта при главной квартире императора, также занимая место в числе лиц, довольно близко допущенных к военным секретам. Дружеские, доверительные отношения между Беннигсеном и Ермоловым к тому времени исчислялись десятилетиями. Ситуация с воспоминаниями К.Ф. Толя, генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии и по общим воспоминаниям неперемного участника всех Военных советов, не представляется столь безнадежной. А.Г. Тартаковский почему-то не принял во внимание критический обзор, составленный в 1830-х годах на «Описание Отечественной войны 1812 года» А.И. Михайловского-Данилевского¹⁸, который сам Толь назвал своим «мемуаром»¹⁹. Исходя из классификации, предложенной самим же А.Г. Тартаковским, сочинение К.Ф. Толя, содержащее значительные «вкрапления» мемуарного характера, с полным основанием, как это будет показано ниже, может быть причислено к «мемуарам в форме историко-критических трудов»²⁰.

Генералитет 2-й Западной армии оставил заметный след в синхронии, будь то военно-оперативная документация, официальная или «партикулярная» переписка и дневники. Конечно же, этот пласт источников позволяет восстановить ход событий, следить за эволюцией идей в планах русского командования в том виде, как эти идеи доходили до командования 2-й армии. Однако распространение версии о том, что в основе действий русских войск лежал «план, продуманный глубоко» (А.С. Пушкин), как и осмысление самой этой версии, принадлежат к более позднему времени и другому виду источников, а именно к мемуарам. Мнение по поводу интересующих нас обстоятельств высказал в середине 1820-х годов в весьма краткой форме генерал-квартирмейстер 2-й Западной армии М.С. Вистицкий²¹; уцелели фрагмен-

ты воспоминаний директора канцелярии главного штаба 2-й армии «отличного своими дарованиями» Н.А. Старынкевича²². Впрочем, весьма подробно изложил события тех дней в своих записках [1830–1840 гг.] генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич, командовавший в 1812 году 26-й пехотной дивизией в армии Багратиона.

В воспоминаниях, созданных в разное время и с различными целями, более откровенно, чем в синхронных источниках, проступает попытка «сравнить результаты действительно достигнутые с теми, на которые рассчитывали»²³, при том, что не каждый автор готов был отказаться от анонимности своего труда. Тот же И.Ф. Паскевич, отправив А.И. Михайловскому-Данилевскому два отрывка своих мемуаров для работы над «Описанием Отечественной войны 1812 года», обратился с просьбой к автору: «<...> Вы меня обяжете, если будете содержать в тайне, что два эти отрывка получены Вами от меня»²⁴. Прибегнув к более менее систематическому, а не выборочному цитированию «главных лиц эпохи», мы можем проследить за тем, как представлялся мемуаристам самый сложный период военных действий, при том, что объем статьи накладывает на автора ограничения.

В этом виде источников документ, вышедший из-под пера Барклая де Толли, как и в синхронии, опередил всех пожелавших высказаться по этому поводу. А.Г. Тартаковский, в соответствии с разработанной им историко-типологической классификацией источников, ввел в источниковедение такое понятие как «мемуары в форме документов служебного назначения», причислив к ним одно из писем (записок) Барклая – «Изображение военных действий 1-й Западной армии в 1812 году» (ноябрь 1812 года). Правда, Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский возражали против подобного «расширительного толкования источников, относимых автором к жанру мемуаров»²⁵, но аргументация А.Г. Тартаковского в пользу ретроспективности данного источника представляется обоснованной: «“Изображение военных действий 1-й армии” – служебный по непосредственной цели и внешней форме, оправдательно-poleмический по своим внутренним задачам документ может быть <...> смело квалифицирован и как военно-историческая записка мемуарного характера»²⁶. Правда, этот многофункциональный письменный источник с равным успехом мог быть определен и как личное доверительное письмо императору, со всеми признаками мемуаров, содержащее «нелицеприятные, а порой пристрастные оценки»²⁷, выходящие за рамки военно-исторической тематики. Именно так воспринимал

«Изображение» Барклая и сам А.Г. Тартаковский: «<...> Барклай-де-Толли сообщал здесь немало любопытных и, может быть, кроме него, никому в такой степени и с такой точностью не известных сведений об осуществлении принятой им отступательной стратегии <...>. Никем из других участников этих событий они не были изображены столь всесторонне, правдиво <...>»²⁸. Критерием «правдивости» Барклая де Толли служила для исследователя воображаемая близость полководца к кругам прогрессивной общественности. Но представляется, что «откровенное освещение событий» указывает, в первую очередь, на близость к императору. Обращаясь к царю, Барклай де Толли «взял» в письме такой тон, который мог позволить себе лишь тот, кто не сомневался в отношении государя к лицам, упоминаемым в тексте.

Это «исповедальное» сочинение Барклая неожиданно получило в обществе широкое распространение: его копия была передана в декабре 1812 года Александром I бывшему начальнику главного штаба 2-й Западной армии генералу Э.Ф. де Сен-При, который, в свою очередь, передал его бывшему директору канцелярии главного штаба 2-й армии Н.А. Старынкевичу. «Секретный» документ пошел «гулять по рукам»... А.Г. Тартаковский выявив в архивах пятнадцать копий только 1810-х годов и полагая, что их было значительно больше, признавал: «Совершенно исключительный размах приняло рукописное распространение “Изображение военных действий 1-й армии в 1812 году”». Безусловно, эти ранние мемуары сильно повлияли на отечественную историографию 1812 года, где, начиная с 1810-х годов, кроме скрытого цитирования, уже наблюдалась и скрытая полемика с известным каждому автором²⁹.

Представляется, что «прогрессивная общественность», о которой часто упоминал в своей работе А.Г. Тартаковский, впрочем, как и «феодално-аристократическая клика», могли располагать более широкими сведениями об эпистолярной активности М.Б. Барклая де Толли, коль скоро тексты его другой записки – «Оправдания», пусть даже «не от имени своего» попали в печать уже в 1813 году. А.Г. Тартаковский дал этому документу служебного назначения характеристику, весьма сходную с той, которую получило «Изображение»: «Но особую остроту “Оправданию” открыто придавала выраженная в нем личностная интонация. <...> Весь текст “Оправдания” Барклай с резкой определенностью строит от своего имени – как документ личной и далеко не беспристрастной защиты»³⁰. Именно так и расценил, хотя в иных

выражениях, это сочинение полководца историк А.И. Михайловский-Данилевский, когда оно, по воле Николая I, попало к нему в руки: «<...> Ничтожные слабости, мелкие сплетни оттеняются желчною насмешкою, и ругательства и поносительные слова на всех неприязненных Барклаю де Толли людей <...>. В его записке не видим ни порядка в идеях, ни полноты в изложении, пропущено важное, говорится о неважном, и все дополняется бранью, недостойною высокого назначения ни того, о ком писано, ни того, кто писал, ни того великого дела, к которому были они призваны»³¹. Даже приняв во внимание, что император Николай I имел все основания считать Михайловского-Данилевского «человеком Кутузова», совершенно очевидно, что «Оправдание» вряд ли можно отнести к жанру оперативной документации, военной публицистики или исторических сочинений военно-критического характера.

По поводу осведомленности общества о содержании «Оправдания», следует заметить, что «Изображение», не предназначенное для печати, распространилось чрезвычайно широко в рукописном виде. Что же тогда говорить об «Оправдании», текстом которого располагали и историк А.И. Ахшарумов, и А.И. Барклай де Толли, и П.А. Чуйкевич, и, судя по всему, издатель «Сына Отечества» Н.И. Греч? Сам Барклай де Толли предназначал его к публикации. Известно, что Александр I получил «Оправдание» от Барклая де Толли в декабре 1812 года. Сдвигать датировку этого документа на ноябрь в связи с тем, что в нем не упомянута битва на Березине, как это сделал А.Г. Тартаковский, представляется недостаточно убедительным. Сам исследователь проследил путь записки Барклая: «<...> барклаевские документы сразу же по прочтении передавались им [Александром I. – *Примеч. автора статьи*] Аракчееву и хранились в его архиве <...>. Отметим также, что барклаевские бумаги подложены в архивном деле и зафиксированы в приложенной к ним описи в той хронологической последовательности, в какой они поступали к царю, затем – к Аракчееву, и список «Оправдания» значится здесь последним, вместе <...> с письмом Барклая к Александру I от 27 января 1813 г.»³². Кстати, началом 1813 года датировал «Оправдание» другой исследователь Н.И. Казаков³³. Где гарантии, что Александр I не дал кому-нибудь на прочтение «Оправдание» Барклая де Толли, как он это сделал с «Изображением»? Например, главнокомандующий Западной 3-й армией граф А.П. Тормасов собственноручно сделал для себя список «Оправдания» с пометкой «1812. Тормасова»³⁴.

Таким образом «Оправдание», содержащее сведения о планировании военных действий, как и «Изображение», не содержащее этих сведений, могли быть в равной степени известны публике. Оба эти сочинения не могли оставить равнодушными соратников Барклая де Толли. Именно по этой причине многие мемуары, где сообщается о планах и военных действиях в июне – июле 1812 года, о которых речь пойдет ниже, приобретали черты историко-критических трудов.

Отметим, что полемика могла возникнуть гораздо раньше, а «всесторонних, правдивых» источников могло оказаться, по крайней мере, два. Н.А. Старынкевич сообщал в своих записках: «Особенные обстоятельства налагали на него [князя П.И. Багратиона. – *Примеч. автора статьи*] обязанность представить государю императору оправдание свое на счет действий 2-й армии с начатия войны»³⁵. Судя по всему, «высочайшие обвинения» сильно омрачили последние дни князя Багратиона, и главнокомандующий 2-й армией решил подготовить свой вариант оправдания. «Он располагался изложить оное, – свидетельствовал Старынкевич, – во время лечения раны, которая первоначально не представляла никакой опасности <...>»³⁶. По замечанию А.Г. Тартаковского, «из записок Старынкевича выясняется, что почин в составлении описания военных действий 2-й армии принадлежал Багратиону, которого в первые дни после его трагического ранения при Бородине не оставляла мысль об этом труде, – факт в литературе доселе неизвестный»³⁷. Этот факт и сейчас не особенно тревожит исследователей, так как «Ахилл русской армии» не успел завершить своего намерения, хотя к концу 1812 года «Отчет о действиях 2-й армии» был написан Старынкевичем, «по первоначально задуманному Багратионом плану». Вопрос в том, нужен ли был государю этот документ? В декабре 1812 г., по приезду в Вильну, Александр I в беседе со Н.А. Старынкевичем с резким «негодованием» отзывался об «отступлении князя Багратиона от предначертанного в начале войны плана и неприятных от того последствях»³⁸. Александр, уже имевший на руках несколько вариантов «Оправдания» Барклая де Толли, решительно отверг «Отчет» Старынкевича и повелел ему составить новое «подробное историческое объяснение всех действий главнокомандующего 2-ю армиею». До наших дней, как известно, дошла только серия «Оправданий» Барклая, хотя о «неудовольствии» императора действиями «Второго Главнокомандующего» знали, как показывает мемуаристика, многие: сведения из главной квартиры императора распространялись быстро. Заметим,

что историография 1812 года сильно выиграла бы в том случае, если бы под рукой у исследователей оказался и «отчет» князя Багратиона: как мы уже не раз отмечали, отсутствие источника – не менее значимый фактор, чем его наличие.

О чем поведал бывший главнокомандующий 1-й армией в «Изображении» – «самой “закрытой” из оправдательных записок»³⁸? Обращаясь к императору «вождь несчастливый» не касался «скользкой» темы первоначального планирования военных операций, хотя содержание «Изображения» подразумевало эту «завязку» сюжета. Собственно мемуарное повествование в «Изображении» относится к событиям, последовавшим за неудачной попыткой реализовать идею Дрисского лагеря. Напрасный труд – искать в этой ноябрьской записке упоминания об общем совещании и продуманном плане движения к «древним границам». Зато в «Изображении» вполне определенно говорится о планах неприятеля, которого и «заманивать» особенно не пришлось: «Первоначальное намерение неприятеля и главный предмет его усилий состояли в отдалении Армий друг от друга и проложении чрез то себе прямого пути в недра России. Для уничтожения сих замыслов Ваше Императорское Величество соизволили утвердить следующее предначертание. Первая армия должна была следовать из Дриссы против течения Двины для предупреждения неприятеля в Витебске, также между Двиною и Днепром для удобнейшего соединения со второю Армиею»³⁹. В «Изображении» Барклай писал о событиях, которые происходили на его глазах, о том, что он знал наверняка, а вот в «Оправдании», которое вышло из-под его пера, когда победоносный исход войны уже окончательно определился, генерал смело заговорил с императором о наличии продуманного плана и о своей страдательной роли в «раскладе» исторических событий. «К сожалению, осторожность не позволяла предварить публику о критическом положении отечества, – сокрушался Барклай де Толли. – Я скорее должен был в сем случае решиться на принесение в жертву репутации своей, нежели преждевременным оправданием себя перед народом расстроить единственные средства к отражению грозы столь ужасной!»⁴⁰ Трудно воздержаться от замечания: публику, может быть, волновать и не следовало, но от главнокомандующих 2-й и 3-й армиями таиться все же не стоило. В «Оправдании» М.Б. Барклай де Толли пояснял: «Оборонительная война была бы для нас бесполезна и даже пагубна, если бы цель ее клонилась к одной только упорной защите границ наших <...>, да и самое счастливое отражение неприятеля

вообще от границ наших продлило бы только войну с новыми для нас опасностями»⁴¹. Задним числом «счастливое отражение неприятеля вообще от границ наших» представлялось генералу чуть ли не бедствием. Подобный оптимизм мог зародиться только в одном случае – «Оправдание» все же появилось не раньше декабря, когда победоносные русские войска уже стояли на границах Отечества, готовые их пересечь. Если генерал имел секреты от публики и своих подчиненных, то почему не упомянул о них в письмах государю сразу после своего отъезда из армии 22 сентября 1812 года?

Сравнивая содержание «Изображения» с «Оправданием», вероятно, уместно задаться вопросом о положении Военного министра М.Б. Барклая де Толли на военном «Олимпе» перед вторжением неприятеля, о состоянии «выношенного им еще за несколько лет до того “скифского” замысла» и как этот замысел сочетался с идеей пресловутого Дрисского лагеря? Немало любопытного поведал в записках о предвоенных событиях генерал Л.Л. Беннигсен [1813–1816], «победитель непобедимого» в 1807 году, который проживал летом в своем имении Закрете неподалеку от Вильны. Его «записки о 1812 г. сначала писались как таковые, а затем, “по мере изготовления” оформлялись в виде писем к [генералу А.Б. – *Примеч. автора статьи*] Фоку, в надежде, что они разойдутся в обществе»⁴². Собственно, упустив из виду этот «авторский прием» Беннигсена, трудно объяснить эпистолярную активность Барклая. В 1807 году Беннигсен, потерпев поражение под Фридландом впервые стал писать оправдательные записки в виде писем своему приятелю генерал-лейтенанту А.Б. Фоку, находившемуся в Петербурге, о кампании 1806–1807 годов. «Письма» Беннигсена широко разошлись в обществе. По-видимому, создавая цикл «Оправданий», Барклай пошел тем же путем, но, не имея ни связей, ни доверенных лиц при дворе, он, выражаясь языком Ермолова, «пустился в дружескую переписку» с царем без посредников.

О событиях 1812 года накануне вторжения неприятеля Беннигсен рассказывал увлекательно: «<...> Подошел ко мне принц Георгий Ольденбургский и сказал: “Через час я к вам приду с Пфулем”. – Когда они оба пришли ко мне принц Ольденбургский сперва заявил мне: “Воля Государя, чтоб вы сговорились о том, что должно делать при приближении неприятеля”, и затем добавил еще: “Его Величеству благоугодно иметь свидетеля-очевидца вашего обсуждения <...>”»⁴³. Заметим, что «свидетелем» этим был принц Ольденбургский, а не Барклай. Более того, место главнокомандующего изначально предлагалось Беннигсену, но «длинный

Кассиус» отказался. Можно было бы заподозрить его в преувеличении собственной значимости, но его слова подтверждает директор военной полиции 1-й армии, состоявший при военном министре (впоследствии – генерал-гевальдигер) Я.И. де Санглен: «<...> Барклай де-Толли был, в совершенном смысле слова, старинного покроя честный немец, не возвышенного образования, но с чистым рассудком и не имеющий фундаментальной основы для поддержания своего звания. <...> Еще до бала [в Вильне в день вторжения неприятеля. – *Примеч. автора статьи*] он сказал мне: “Государь предлагал Бенигсену командовать армией; но он отказался. Государь требует непременно, чтобы я командовал войском; как вы думаете?” – “Мне кажется, – отвечал я, – Бенигсен поступил благородно. Командовать русскими войсками на отечественном языке и с иностранным именем – невыгодно”. – “Но государь того требует; как отказаться?” – отвечал Барклай. – “Бенигсен то сделал, следовательно и вашему высокопревосходительству можно тоже сделать”. <...> Барклай, по-видимому, колебался, но все окружающие его мудрецы, которые ожидали от него великих благ, поощряли его на этот подвиг»⁴⁴. Неопределенное положение М.Б. Барклая де Толли, при котором сложно вынашивать собственные планы подтвердили, не скрывая сочувствия, и другие авторитетные мемуаристы. Государственный секретарь А.С. Шишков, находившийся при главной квартире императора, вспоминал (середина 1820-х гг.): «Первое, – что меня удивляло, что государь говорил о Барклае как бы о главном распорядителе войск; а Барклай отзывался, что он только исполнитель его повелений»⁴⁵.

Ситуация перед войной подробно описана и в записках К. Клаузевица, который в 1812 году в чине генерала находился в русской армии. Представляется необходимым включить в число мемуаров труд «1812 год» (1810-е – 1830-е гг.) знаменитого теоретика военного искусства по «рекомендации» К.Ф. Толя: «Наконец, мемуары генерала Клаузевица [так в тексте. – *Примеч. автора статьи*] должны быть причислены к числу наиболее интересных сочинений эпохи даже теми, которые не по всем вопросам разделяют мнение этого ученого»⁴⁶. Клаузевиц, состоявший при главной квартире императора и адъютантом при самом генерале К. Фуле, утверждал: «Верховное командование над всеми силами намеревался взять на себя император. Он никогда не служил в действующей армии, а также не имел командного стажа. В течение нескольких лет в Петербурге генерал-лейтенант Пфуль преподавал ему основы военного искусства»⁴⁷.

Именно в записках Клаузевица бесстрастно отражен сюжет, который по ходу дел стал весьма болезненным: взаимоотношения главнокомандующих 1-й и 2-й Западных армий – М.Б. Барклая де Толли и князя П.И. Багратиона: «Так как обе армии пока были разъединены, а Барклай в качестве военного министра в известной степени распоряжался и второй армией, то, в сущности, понятие общего командования имелось лишь у Барклая и в его штабе»⁴⁸. Степень неудовольствия князя Багратиона, находившегося со своей армией более чем в 200 верстах, постепенно нарастала. Генерал М.С. Вистицкий свидетельствовал (1820-е гг.): «В начале июня князь Багратион в прискорбием вынужденным нашелся писать к Государю Императору, что он весьма сокрушается, не имея к себе доверия Е.[го] И.[мператорского] В.[еличества], ибо он не знает и не открыт ему план операционных действий, а потому и не может удобно распоряжать командуемую им армию. На сие удостоен собственноручным рескриптом с весьма лестными выражениями, но, за всем тем, остался он в неведении операционного плана – надобно полагать, что его не было еще сделано»⁴⁹. В отсутствии плана не сомневался и И.Ф. Паскевич.

Беннигсен отозвался об этом плане неопределенно, хотя не сомневался, что план Фуля существовал, и именно им руководствовались при вторжении неприятеля, хотя не преминул иронично заметить: «Государь Император не сообщил мне этого плана, и я никого не знаю, кому бы таковой был известен во всех подробностях»⁵⁰.

С идеей отсутствия операционного плана был категорически не согласен К.Ф. Толь, когда обрушился с критикой на историка А.И. Михайловского-Данилевского, допустившего в своем труде предположение, весьма близкое к суждению генералитета 2-й армии. Толь возражал историку в своем «мемуаре»: «<...> Что на самом деле ничего не было предвидено, а лишь рассчитано согласоваться с движениями противника, как в оборонительной войне и быть не может. <...> Бесспорно, бывают случаи в оборонительной войне, когда бывает необходимо согласоваться до известной степени с движением противника. <...> Неужели верно, что в 1812 году ограничились ожиданием противника с безучастностью, которая собственно не могла послужить доказательством предусмотрительности?»⁵¹ А дальше К.Ф. Толь определенно заявлял: «Причисленный к главной квартире Императора Александра, генерал Пфуль составил операционный план, который и был утвержден»⁵².

О намерении императора руководствоваться планом Фуля уверенно свидетельствовал К. Клаузевиц: «<...> Император и генерал Пфуль пришли к совершенно правильному заключению, что подлинное сопротивление можно будет оказать лишь позднее, в глубине страны, ибо на границе силы были недостаточны. В соответствии с этим генерал Пфуль выдвинул мысль добровольно отнести военные действия на значительное расстояние внутрь России, таким путем приблизиться к своим подкреплениям, выиграть некоторое время, ослабить противника, принудить его выделить ряд отрядов и получить возможность, когда военные действия распространятся на большом пространстве, стратегически атаковать его с флангов и с тыла»⁵³. Клаузевиц пояснял в своем сочинении: «<...> План Пфуля заключался в том, чтобы первая западная армия отступила в укрепленный лагерь, для которого он выбрал местность по среднему течению Двины, и чтобы туда были направлены ближайшие подкрепления <...>; в то же время Багратион со второй западной армией должен был ударить в правый фланг и тыл неприятеля, если бы тот последовал за первой армией. Торماسов должен был оставаться на Вольни для защиты ее от австрийцев»⁵⁴. Автор полагал, что ошибка плана заключалась в следующем: «Очень большое значение на войне имеет масштаб. То, что очень важно для пространства в 100 миль (миля равна 7,5 километра), может оказаться совершенно иллюзорным на пространстве 30 миль».

Реализация идеи об активном взаимодействии двух армий, безусловно, осложнялась отвлечением сил на вспомогательные «диверсии»: «В 1812-м году, по заключении мира с Турцией, адмирал Чичагов предлагал с войсками, в Молдавии и Валахии расположенными, сделать диверсию в Италии. Сначала держались этой мысли, и потому войска его не были присоединены вовремя к главным силам на западной границе»⁵⁵. По словам К.Ф. Толя, «<...> Весь смысл военных действий в продолжение первой части кампании заключался ни в чем ином, как в привлечении на себя или на второстепенный театр военной силы приблизительно равной себе», но «скорее Наполеон мог бы, благодаря своему громадному превосходству, обойтись на решительных пунктах без 40 000 человек, чем это могла сделать русская армия»⁵⁶.

О взятом за основу плане Фуля определенно писали в своих мемуарах Беннигсен, Ермолов, Толь, Клаузевиц, Паскевич. Но каждый мемуарист справедливо отмечал несоответствие расположения войск замыслу «оборонительной» войны: «Мне неизвестны политические причины,

которые могли побудить Россию выжидать первых неприязненных действий Наполеона. Одно несомненно, что не первый пушечный выстрел обнаруживает нападающего врага <...>. Если бы Россия, при условиях, в которых находился Наполеон [в 1811 году. – *Примеч. автора статьи*], двинула армию в 160 т[ыс]., <...> между Вислою и Одером, присоединив к ней и прусскую армию, она могла бы вести верную игру. <...> Театр войны был бы удален от границ России; он проходил бы в земле неприятельской, в которой можно было получать все необходимое для продовольствия нашей армии»⁵⁷. Таким образом, в 1811-м году «длинный Кассиус» придерживался плана войны наступательной. И не он один. И.Ф. Паскевич поведал в своих записках: «Еще в 1811-м году кн.[язь] Багратион предлагал броситься в Польшу, пока силы неприятеля были еще не собраны. Он надеялся, что, разбив его по частям, всегда будет иметь время отступить к назначенному пункту. Вторжение это нельзя было сделать в больших силах, а малый отряд мог быть стеснен и истреблен неприятелем, да и не легко отступить 300 верст от превосходного в числе неприятеля в чужой земле и без резервов. План смелый, который по обстоятельствам трудно было исполнить <...>»⁵⁸.

Весьма, вероятно, что главнокомандующий 2-й армией предложил наступательные действия, будучи осведомлен о том, что с подобным же планом уже выступил его старший по чину сослуживец. Князь Багратион всегда с почтением относился к барону Беннигсену, был знаком с ним еще с екатерининских времен и, безусловно, пользовался доверием военачальника. Круг «горячих голов», к которым исследователи, не скрывая снисходительных интонаций, по традиции причисляют одного князя Багратиона⁵⁹, был значительно представительнее и шире, о чем поведал К.Ф. Толь: «Все же не все, как видно, разделяли намерения генерала Пфуля, а именно генерал Барклай, по всей вероятности плохо осведомленный, полагая превосходство сил Наполеона значительно менее подавляющим, чем оно было в действительности, находит нужным принять сражение в окрестностях Вильны, и во всех данных им приказах это предположение выражено им вполне определенно <...>. Генерал Беннигсен, никакой должности не занимавший при главной квартире, разделял это мнение <...>. Князь Ливен полагал, что необходимо теперь же маневрировать таким образом, дабы воспользоваться громадным пространством России, а именно отходить к центру Империи <...>. Положение этого генерала [Барклая де Толли. – *Примеч. автора статьи*], являвшегося исполнителем операционного плана, им

совершенно не одобрявшегося, и который он постоянно старался изменить, было весьма затруднительным»⁶⁰. Слова Толя о «радикальных» взглядах генерал-лейтенанта Х.А. Ливена подтверждает Клаузевиц: «Господствовавшее в Берлине мнение заключалось в том, что Наполеона должны погубить огромные размеры Российской империи <...>. Эту мысль, в частности, высказал генерал Шарнгорст. Когда граф Ливен прибыл в главную квартиру, он был поглощен этой идеей и, конечно, говорил с императором в этом смысле. Формулировка его мысли, услышанная автором от него еще в Берлине, сводилась к тому, что первый пушечный выстрел должен раздаться только под Смоленском»⁶¹. Таким образом, идея отступления в глубь страны будто бы принадлежала генералу Шарнгорсту, и была озвучена перед Александром I генералом Х.А. Ливеном.

А.П. Ермолов повествуя в своих записках (1810–1830-е гг.) о делах минувших, по обыкновению все еще ощущал себя в незабываемом прошлом: «Военный министр предпочитал войну наступательную. Некоторые находили полезным занять Варшавское герцогство и, вступивши в Пруссию, дать королю благодидную причину присоединиться к нам <...>. В настоящее время (1812) казалось все приуроченным со стороны нашей к войне наступательной; войска приближены к границам, магазины огромные заложены <...> почти на крайней черте наших пределов»⁶². Далее он сообщал: «Не только не смею верить, но готов даже возражать против неосновательного предположения, будто военный министр одобрял устройство при Дриссе укрепленного лагеря, и что еще менее вероятно, будто не казалось ему нелепым действие двух разобщенных армий на большом одна от другой расстоянии, и когда притом действующая во фланг армия не имела полных пятидесяти тысяч. <...> Войска наши, приближенные к границе, охватывая большое пространство, могли казаться Наполеону готовыми возбранить переправу чрез Неман, и, конечно трудно было предположить, чтобы такое размещение их сделано было для удобнейшего отступления»⁶³.

Попутно нельзя не отметить, как много военных тайн знали адъютанты М.Б. Баркляя де Толли! Так, К. фон Мартенс поведал в своих записках (не упомянутых А.Г. Тартаковским, но опубликованных в 1902 году – *авт.*), что адъютанты Баркляя имели свободный доступ в его кабинет и зачем-то сняли копии с операционных планов, которые и не предполагали держать в секрете. Например, Мартенс, по его словам, изучил эти «домашние заготовки» русского командования и опре-

деленно утверждал, что видел среди них план наступательных военных действий, в котором предполагалось «сосредоточить <...> войска на берегах Немана и двинуть их отдельными корпусами, каждый в 120 000 человек, на Берлин и Бреслау»⁶⁴.

Беннигсен, опытный военный, настаивал на немедленном сближении 1-й и 2-й Западных армий, сознавая, что в наиболее опасном положении находится 2-я армия – малая по численности, но которой предписано было действовать наступательно. Об этом он позже писал в записках, «оформленных» как письма, где переплетаются прошлое, настоящее и даже будущее, включая сведения, которыми Беннигсен не мог располагать перед войной: «<...> Я старался убедить Государя приблизить князя Багратиона со 2-ю армией к первой, но генералу Пфулю удалось задержать ее в Волковыске. Какую же диверсию может теперь произвести Багратион, имея всего 40 т[ыс]. человек? Ему остается только отступить перед маршалом Даву, который надвигается на него с армиею в 80 тысяч. Я желал, чтобы наша 2-я армия была поставлена в Минской губернии и составила бы, так сказать, нашу вторую линию. Это бы ни в чем не помешало бы нашему отступлению, потому что, намереваясь держаться оборонительной войны, было бы неосторожно с самого начала принять сражение против превосходящих нас сил Наполеона <...>»⁶⁵.

Драматизм ситуации, связанный с неведением плана и даже характера войны, в последние дни перед началом боевых действий нарастал. Ситуацию, в которой оказалась 2-я армия подробно описывает И.Ф. Паскевич, сообщив, что М.Б. Барклай де Толли «писал к Багратиону <...> в случае нападения отражать силу оружием, но избегать сражений с сильнейшим неприятелем, отступая от превосходного числа сперва за Щару, к Новогрудку за Неман, потом (смотря по дальнейшим приказаниям) или прямо идти чрез Минск в Борисов, или правее к Неману для соединения в случае надобности обеих армий или частей их»⁶⁶. Паскевич обратил особое внимание на ответ князя Багратиона, цитируя его дословно: «<...> расположение нашей армии слишком растянуто для того, чтобы при намерении неприятеля всеми силами нанести удар одной из них, можно было вовремя воспользоваться подкреплением от другой, <...> войска наши слишком близки к границе, чтобы успеть сосредоточиться, если неприятель покажется на одном пункте в превосходных силах, <...> в то время, когда аванпосты наши удостоверятся в сближении неприятельской армии к границе, она, без сомнения,

удвоит быстроту маршей и застанет нас если не на своих местах, то поспешит воспрепятствовать соединению нашему прежде, нежели мы найдемся в способах воспользоваться оным»⁶⁷. Паскевич возвращался памятью в те дни, когда нападение неприятеля ожидалось со дня на день: «<...> Генералу Платову приказано было сосредоточить свой корпус около Гродно и идти неприятелю во фланг. 2-я армия должна была следовать сему движению, обеспечивая тыл корпуса Платова. Ежели 1-я армия не могла бы дать выгодного сражения под Вильно, тогда предполагалось <...> сосредоточить ее около Свенцяи, где, быть может (писал Барклай де Толли), и дано будет сражение. Кн.[язь] Багратион замечал, что с предположением собрать 1-ю армию у Вильно и с отделением 2-й армии он находится “в большой опасности, чтобы быстрым стремлением неприятеля на Вильно не только быть отрезанным от 1-й армии, но даже от назначенного ему пути отступления. Что одно верное обозрение карты доказывает, что по отступлении 1-й армии к Свенцяи неприятель, заняв Вильно, может предупредить отступление 2-й армии в Минск и по краткости пути будет там прежде, нежели он достигнет туда отступая”»⁶⁸. В записках И.Ф. Паскевича следует обратить внимание на обстоятельство, которое не привлекало внимание исследователей: автор цитировал документы, исходящие из штаба Багратиона в то время, как они еще не были опубликованы ни в сочинении Д.П. Бутурлина, ни в сочинении А.И. Михайловского-Данилевского. Будучи уже фельдмаршалом, Паскевич отметил: «Замечания эти, из официальных документов извлеченные, показывая, как хорошо понимал кн.[язь] Багратион положение наших армий, будут служить ответом для тех, кто до сих пор утверждает, что он был только авангардным генералом»⁶⁹.

Весьма объективно оценивал создавшееся положение К.Ф. Толь, хотя после оставления Смоленска, его отношения с главнокомандующим 2-й армией обострились настолько, что честолюбивый и заносчивый офицер помышлял об отставке. Тем не менее, Толь пишет в своем «мемуаре»: «Сам кн.[язь] Багратион на приказ занять оборонительное положение на сообщениях противника отвечает вопросом, вызванным чувством своей слабости перед противником, представлявшим превосходство вне всякой пропорции: он спросил нужно ли ему было со своей армией направляться на Минск и Борисов <...>, и он даже двинулся по этому направлению, то есть, вместо того, чтобы стать в оборонительное положение, разумно начал отступление, которое одно могло его спасти»⁷⁰.

В ночь с 11 на 12 июня армия Наполеона вторглась в «пределы наши», и Багратион получил приказ, о котором повествует Паскевич: «12 июня вечером узнали в Вильно о переходе неприятелем границы. 1-я армии назначено было собраться позади Вильно. Генералу Платову приказано начать движение во фланг неприятеля, и кн. Багратиону предписано 13-го июня, подкрепляя Платова, соображаться прежним приказанием, не терять связи с 1-й армиею. Кн.[язь] Багратион поставлен был в затруднительное положение: подкрепляя Платова, он должен был двинуться вперед и таким образом <...> разорвал бы всякое сообщение с 1-ю армиею»⁷¹. И.Ф. Паскевича можно было бы заподозрить в стремлении любой ценой защитить репутацию своего начальника, но мы полагаем авторитетным суждением К. Клаузевица, который не отличался симпатиями к князю Багратиону: «<...> Наступление армии Багратиона, направленное на фланг и тыл неприятеля само по себе не может рассматриваться как реальная предпосылка, ибо если армия Багратиона должна была сражаться позади противника, то она уже не могла сражаться впереди его, и достаточно было для неприятеля противопоставить ей соответствующую массу войск <...>; причем за противником еще оставалось то преимущество, что он находился между нашими армиями и мог атаковать каждую из них порознь превосходными силами»⁷².

Беннигсен пояснял, в каком виде ему представлялась тогда насущная задача: «Так как наши армии стоят до сих пор на очень пространной оборонительной линии, вдоль наших границ, мы должны будем, при вторжении неприятеля в наши пределы, начать эту войну отступлением, с целью сосредоточиться и избежать отдельных неудач»⁷³. И так, 1-я и 2-я армии отступали в глубь страны с целью сосредоточиться? А.С. Шишков недоумевал: «Армию князя Багратиона можно было сначала так поставить, чтобы для соединения с ним не надлежало оставлять Вильны. Но <...> мы оставили Вильну, Гродно, Минск, Митаву для соединения с ним; и со всем тем не имеем надежды соединиться, потому что французские войска между нами»⁷⁴.

Ермолов с присущим ему сарказмом повествовал: «<...> 1-я армия, хотя слабо преследуемая, защищаясь на каждом шагу, взяла направление на славный по слухам при Дриссе лагерь»⁷⁵. В.И. Левенштерн, в 1812 году бывший адъютантом М.Б. Баркляя де Толли, свидетельствовал о некотором замешательстве, которое сопутствовало этому движению к лагерю: «Главнокомандующий [М.Б. Барклай де Толли. – Примеч. автора статьи] посылал ежечасно донесения императору. Поэтому я могу утвер-

ждать, как вещь мне вполне известную, что в то время не был еще решен вопрос о том, следует ли оказать неприятелю сопротивление или же надобно отступить. Не зная на что решиться, главнокомандующий призвал меня и приказал мне написать его величеству, что позиция не представляла действительно никаких благоприятных шансов, и что он покидает Вильно; император одобрил решение генерала. Но мысль оставить столицу Литвы в руках неприятеля была удручающая. Барклай горевал об этой необходимости, но, при его твердом характере, у него хватило смелости доказать императору необходимость этой меры и поспешного ее выполнения. Когда Левенштерн прибыл с этим донесением к императору, то Александр I произнес слова, которые заставляют задуматься, нужен ли был твердый характер, чтобы убедить его в «необходимости этой меры»: «Это очень большая жертва, мы принесем еще большие, но я твердо уверен в том, что мы достигнем впоследствии результатов, которые покроют нас славой»⁷⁶. Трудно сказать, насколько твердой была память В.И. Левенштерна, когда он составлял свои записки, потому что другому адъютанту М.Б. Барклая де Толли – А.Н. Сеславину запомнилось совсем иное (1830–1840-е гг.): «Он [Барклай де Толли. – *Примеч. автора статьи*] первый ввел в России систему оборонительной войны, дотоле неизвестной. Задолго до 1812 г. уже решено было, в случае наступления неприятеля, отступать, уступать ему всю Россию до тех пор, пока армия сформируется и образуется и, завлекая таким образом внутрь России, вынудить его растягивать операционную свою линию. <...> Барклай, презирая не заслуженный им ропот, был <...> непоколебим в достижении им великой цели»⁷⁷. Левенштерн же иначе определил сроки возникновения у своего начальника «великих мыслей», а именно: «Грандиозный план отступления армии возник в тот самый момент, когда мы покинули Вильно. До тех пор никто не осмеливался думать об этом, а тем более предложить императору отступление как возможный план кампании, ибо того, кто осмелился бы предложить покинуть Вильно, сочли бы изменником»⁷⁸. Но император и гвардейский корпус были уже на пути в Дрисский лагерь!

Тем временем войска 1-й армии с неравным успехом отходили от западных границ. 6-й пехотный корпус генерала Д.С. Дохтурова оказался отрезан, не получив вовремя приказа об отступлении. Трудности, с которыми столкнулись его войска красноречиво описаны в записках артиллерийского офицера Н.Е. Митаревского⁷⁹. Когда Дохтуров получил приказ, по какому направлению он должен был следовать, то произошла сцена, которую приводит бывший офицер квартирмейстерской

части А.А. Щербинин в замечаниях на «Историю войны 1812 года» М.И. Богдановича: «Дохтуров, будучи отрезан от 1-й армии, отошел от Воложина в Камень: “для чего не в Минск?”»⁸⁰ Опытный генерал сомневался в той ситуации в целесообразности движения к Дриссе, где ему, наконец, удалось соединиться с 1-й армией. Подвел итог первым шагам на пути выполнения «грандиозного плана» И.Ф. Паскевич: «<...> Дохтуров избегнул неприятеля чудом. Дорохов и Платов принуждены были отступить на 2-ю армию, а кн. Багратион только необыкновенными переходами, возможными одними русскими войсками, спас армию и даже не был расстроен. Но на подобные военные случаи не должно рассчитывать ни принимать их за правило»⁸¹.

Офицер квартирмейстерской части Н.Н. Муравьев откровенно признавал: «<...> Полки наши быстро отступали от Немана, не зная даже настоящей дороги, по которой идти»⁸². Про «оборонительную линию на Двине» Шишков рассуждал так: «Зачем миновали сию линию? Зачем со всеми войсками пришли в Вильну и завезли туда магазины? Затем ли только, чтобы бежать около двух сот верст, для занятия оборонительной линии, сначала предназначенной <...>?»⁸³

Не меньшее недоумение испытывал, судя по запискам и Беннигсен: «Нашим отступлением к Двине мы уже отдали в руки неприятеля или оставили в его власти прекрасные губернии Литвы, Волыни и Подолии. Но это еще не все; мы оставляем ему вполне открытую дорогу в Минскую губернию, по которой он может оправить корпуса войск не только в Белоруссию, но и в Смоленскую губернию. <...> Никто не в состоянии постичь, какой же предел нашему отступлению предполагает этот план военных действий»⁸⁴. Сходные мысли, по-видимому, одолевали и Барклай де Толли, не взирая на грандиозный план, который, по мнению его адъютантов, уже полностью оформился в его сознании: «Неприятель не напирал на него слишком энергично, и это побудило Барклай остановиться там, где по общему плану он не должен был задержаться. Пфуль беспокоился о том, как бы неприятель не достиг Дриссы раньше Русской армии. Автора неоднократно посылали в главную квартиру генерала Барклай, дабы побудить его к более быстрому отступлению»⁸⁵.

Тем временем, князь Багратион и совершил одну из ошибок, которых ему не мог простить император Александр I. Как рассказывает Паскевич, «ожидая разрешения, идти ли ему на подкрепление Платова или отступить к Минску, а может быть, увлеченный планом вторжения в Польшу, кн. Багратион простоял на месте до 18-го июня. Но и эта ошибка обра-

тилась в пользу армии. Если бы 2-я армия 14-го отступила на соединение с 1-ю армией, то или наткнулась бы на корпус маршала Даву, или бы, соединившись выше на севере с армией генерала Баркляя де Толли, была бы вместе с нею отрезана от Смоленска, брошена на север, и тогда все способы южных губерний были бы в руках неприятеля»⁸⁶. Потеряв три дня, в ожидании приказа, князь Багратион принял самостоятельное решение отступать на Минск. Но получил 18 июня в Зельве повеление императора двигаться фланговым маршем, наперерез наступавшему противнику, на Вилейку. Через четыре дня главнокомандующий 2-й армией получил сведения, что его опережает корпус Даву и принял решение вернуться на направление к Минску, чтобы «оттуда искать соединения с 1-й армией», но 25-го июня узнал, что Минск также уже в руках неприятеля. Это известие сообщил ему флигель-адъютант А.Х. Бенкендорф: «<...> Император второй раз послал меня к князю Багратиону. Виду того, что моя поездка представлялась очень опасной, он не дал мне письменных приказов, я должен был объяснить все князю устно. <...> Я нашел армию князя Багратиона в Несвиже и сообщил ему новость о захвате Минска королем Вестфалии»⁸⁷. И.Ф. Паскевич впоследствии оценивал создавшееся положение так: «Пробиваться силою было невозможно. Кн.[язь] Багратион решился отступать не на Минск, но чрез Несвиж, Слуцк к Бобруйску. <...> За это отступление к Несвижу обвиняли кн.[язь] Багратиона. Но, напротив, нельзя не отдать справедливости его военному соображению. Он видел, что всего нужнее было сохранить армию и что соединение с 1-ю армией по прежнему направлению невозможно, ибо впереди его был Даву в 50 тыс., а позади король Вестфальский с 80 тыс. чел. Впоследствии 11-го июля (из Слуцка) кн.[язь] Багратион решился даже писать государю, что соединение армии, как тогда генерал Барклай де Толли отошел на север, к Дрисскому лагерю, едва ли бы даже было полезно, ибо неприятель всегда мог обойти левый наш фланг»⁸⁸. Нечего сказать: утешил государя, для которого Дрисский лагерь все еще оставался любимым детищем.

Попутно выяснилось, что в 1-й армии не совсем отчетливо представляли ситуацию, в которой находилась 2-я армия. Адъютант Ермолова П.Х. Граббе вспоминал, как вернулся после поездки в армию Багратиона: «Когда я сказал, что князь Багратион отказался от направления на Минск и пошел на Бобруйск и Могилев, а Даву <...> идет на Борисов, в перерез обеих наших армий, Государь прервал меня. “Это неправда, быть не может: Даву здесь, против меня, а князь Багратион имеет от меня другие

приказания»'. Я отвечал Государю, что за точность своих сведений отвечаю головой, что действительно часть войск корпуса Даву у него взята и направлена к Дриссе; но ему даны другие войска <...>. Потом, указав пальцем на карту Борисова, дерзнул я прибавить, что если бы возможность была отправить туда летучий отряд в некоторой силе <...>. Государь с выражением нетерпения возразил одним словом: “не перелететь же”»⁸⁹. Александр I не скрывал своего негодования, которое разделял и генерал Ермолов: «Изменила князю всегдашняя его предприимчивость. <...> Государь император изволил сообщить мне полученное им известие и не скрыв, сколько горестно оно было для его сердца <...>»⁹⁰. Не мог смолчать и Барклай де Толли: «Все мысли генерала Баркляя были заняты осуществлением столь желанного соединения 1-й армии со 2-й, которой командовал князь Багратион. Барклай и в присутствии императора горько жаловался на распоряжения князя Багратиона и атамана Платова <...>»⁹¹.

По этому поводу генерал Н.И. Ладыгин, в 1820-х годах сравнивая «Изображение» Баркляя с трудом Д.П. Бутурлина, высказал удивление: «Каким образом Генерал Барклай де Толли надеялся соединиться с 2-ю армиею под Дриссою? Генерал Дохтуров с 6-м корпусом едва 20-го июня успел придти в Кобыльники (две мили от Свенциан), встречая уже по пути неприятеля; авангард же 4-го корпуса был отрезан и попал уже ко 2-й армии; следовательно, дорога, ведущая от Вилковыска, – главной квартиры князя Багратиона, к Дриссе, уже занята была неприятелем, так что французы были вдвое ближе к Дриссе нежели 2-я армия»⁹².

К.Ф. Толь задавал вопросы, на которые он не нашел ответов в сочинении А.И. Михайловского-Данилевского: «С какой целью предпринято было движение к Дриссе? Если верить генералу Данилевскому, то лишь исключительно, чтобы соединиться с кн. Багратионом. <...> Это для соединения с Багратионом, который находился в то время в Слониме, в 240 верстах к югу от Свенцяна, направились к Дриссе, – к пункту, расположенному в 120 верстах к северу от этого города? <...> Если бы лишь желательно было соединиться с князем Багратионом, следовало бы, собственно, отойти по направлению к Минску <...>»⁹³. Толь еще более определенно, чем Беннигсен, Паскевич и Дохтуров (по воспоминаниям А.А. Щербинина) и довольно язвительно указывает на то, что первоначально отступление русских армий было вовсе не связано с намерением соединиться, а было направлено на реализацию идеи «оборонительной» войны и Дрисского лагеря. Далее Толь сообщает: «Наконец, в письме, написанном собственноручно Его Величеством, также адре-

сованным кн. Багратиону, Государь ему говорит <...>, что направление на Вилейку и Минск было ему дано “не столько для того, чтобы совершенно соединиться с 1-ою армиею, как для поставления 2-ой армии на направление, имеющее в тылу центр России, чем действия обеих армий сделались бы удобнее и деятельнее”⁹⁴. Но и Барклай де Толли, и Ермолов, не говоря уже о Багратионе совершенно убеждены в том, что задача Багратиона заключалась именно в том, чтобы соединиться с 1-й армией. Полностью оправдывал действия «Второго главнокомандующего» К. Клаузевиц: «Когда с открытием военных действий настал момент отдать приказ генералу Багратиону перейти в наступление против тыла неприятеля, то на это не хватило решимости; или доклады генерала Пфуля, или сознание недостаточности сил привели к тому, что Багратион выбрал такой путь отступления, который дал ему возможность впоследствии соединиться с первой западной армией. Таким путем была извергнута главнейшая катастрофа, которую мог вызвать план Пфуля, т. е. полное уничтожение армии Багратиона»⁹⁵.

Пока Александр негодовал на действия князя Багратиона, решилась судьба Дрисского лагеря. Любопытно, что два очевидца запомнили исторический анекдот, связанный с Дрисским лагерем совершенно по-разному, что доказывает, какой обманчивой бывает человеческая память. А.Х. Бенкендорф вспоминал: «<...> С наибольшей силой недостатки этого лагеря были выражены во фразе, сказанной генералом Пауллуччи генералу Фулю, который все еще защищал выбор этой позиции, несмотря на недовольство всей армии. Он сказал: “Этот лагерь был выбран либо предателем, либо глупцом, выбирайте, мой генерал”»⁹⁶. Флигель-адъютант С.Г. Волконский услышал другое: «<...> Пауллуччи, и по привычке, и по глухоте государя, говорил очень громко. Вот что говорил Пауллуччи: “Государь! Вы видите бестолковость всех укреплений, воздвигнутых Вольцогеном, и поэтому смею вам сказать, что Вольцоген или пошлый дурак, или изменник, но в обоих случаях вы не должны иметь к нему доверия”»⁹⁷. Возможен, конечно, и третий вариант: виновными были признаны двое – Фуль и Вольцоген.

Но там же в Дриссе все стороны пришли, наконец, к выводу, что «соединение обеих армий становится главной целью операций». Более того, «Император словно даже предвидел, что Наполеон свободно мог бы дойти до ворот Москвы; но эта мысль его не устрасила»⁹⁸. Спрашивается: почему даже в декабре Александр I с гневом вспоминал об «ошибках» Багратиона?

Итак, войска 1-й армии двинулись на Витебск. Именно с этого драматического места и начинается «Изображение» Баркляя. По мнению Беннигсена, «решение Баркляя – принять сражение под Витебском и, быть может, потерпеть поражение, подвергало опасности участь армии, государства и даже целой Европы, и, вместе с тем, побуждало, с другой стороны, князя Багратиона делать различные напрасные движения и марши. Если бы мы и одержали победу, то она не могла быть решительною по причине большого численного превосходства неприятеля»⁹⁹. Князь Багратион не стал рисковать армией, после жестокого боя под Салтановкой (Дашковкой) отказавшись от движения на Оршу. Его смущало отсутствием встречного «порыва». Генерал Н.И. Ладыгин обратил внимание на следующее несоответствие: из повествования Д.П. Бутурлина явствовало, что «обе армии все усилия свои напрягали соединиться друг с другом. Но князь Барклай де Толли в сочинении или в отчете своем говорит: “Мое намерение было занять лагерь при Полоцке. Тогда мог бы я удобнее наблюдать за движениями неприятеля и подкреплять гр. Витгенштейна, имея в своем распоряжении дороги к Невелю и Себежу, откуда получал продовольствие”. Вот доказательство, что Барклай де Толли не думал о прикрытии Смоленска, дороги Московской и южных губерний. Он больше помышлял о заслонении Петербургских дорог, намереваясь отступить к Себежу, а южную сторону предоставляя неприятелю. <...> Следовательно Наполеон указал нам путь на Витебск, он увлек нас туда за собою, а цели нашей к тому не было»¹⁰⁰. О несостоявшемся соединении под Оршей генерал Вистицкий рассуждал так: «Оставляя лагерь при Дриссе, <...> не лучше ли Барклаю было идти через Минск прямо на Оршу из Вильны, вместо Дриссы, для соединения со 2 армией? Ибо, что 2 я армия не отрезана, то приписать надлежит оплошности неприятеля»¹⁰¹. О возможности движения 1-й армии на Оршу писал А.А. Щербинин: «Барклай не следует совету Ермолова – идти с правого берега Двины, от Будиловой через Сенно, к Орше, за неимением там магазинов. “Но разве войско не может нести с собою 10-дневный провиант. А от Двины до Днепра только шесть маршей небольших?” – Помнится мне, что и Толь настаивал о движении через Сенно»¹⁰².

Барклай де Толли во всем обвинял Багратиона: «Поведение мое под Витебском доказывает, что я не страшился ударить на неприятеля; я то исполнил, что следовало исполнить Багратиону»¹⁰³. Далее он писал государю: «После Могилевского дела Князь Багратион нигде не встречал неприятеля. Он воспользовался сею ошибкою онаго для следова-

ния к Смоленску усиленными переходами. Может быть содействовало также к сему скорому движению желание предупредить меня в занятии сего города <...>»¹⁰⁴. Но не один Барклай де Толли был столь проницателен. Ермолов полагал: «Мне казалось, что я проникнул настоящую мысль его [Баркляя. – Примеч. автора статьи]. Соединение с князем Багратионом не могло быть ему приятным; хотя по званию военного министра на него возложено было начальство, но князь Багратион по старшинству в чине мог не желать повиноваться»¹⁰⁵.

Соединение под Смоленском, бесспорно, являлось огромным стратегическим успехом для русских войск. Можно ли на этом этапе войны заметить признаки «плана продуманного глубоко», кроме плана Фуля, который едва не привел Россию к катастрофе? В качестве вывода приведем суждение К.Ф. Толя: «Верно, что это продолжительное отступление, доведенное до центра России, не было обдумано заранее; что к этому привели обстоятельства не в зависимости от начальников, безусловно признававших отступление за бедствие; что оно было совершено без предварительного расчета движением, разве лишь за день вперед; и, тем не менее, лишь это отступление спасло Россию и Европу»¹⁰⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Попов А.И. Первое наступление Великой армии в России в 1812 г. Т. 1. Планирование войны и ее начало. Самара, 2020. С. 3.

² Замечания на войну 1812 года генерала Ладыгина. Публикация В.М. Безотосного // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XIII: Сборник материалов. К 200-летию Венского конгресса. М., 2015. С. 383.

³ Бородинское сражение и его участники в современных «коммеморативных практиках» // Отечественная война 1812 года и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Источники. Памятники. Проблемы. Матер. XXIII Межд. науч. конф., 3–5 сентября 2019 г. Бородино, 2020. С. 5–22.

⁴ Труды ИРВИО. Т. 6. Кн. 2. СПб., 1912. С. 3.

⁵ Труды ИРВИО. Т. 5. Кн. 1. СПб., 1912. С. 8

⁶ Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. М., 1996. С. 308.

⁷ Там же. С. 155.

⁸ Пуцин П.С. Дневник 1812–1814 годов. Чичерин А.В. Дневник 1812–1813 годов. М., 2012. С. 305.

⁹ Сын Отечества. 1813. Ч. 6. №31. С.175–181.

¹⁰ Гангарт И.И. Воспоминания о 1812 годе // Отечественная война 1812 года глазами современников. М., 2012. С. 15.

¹¹ Попов А.И. Указ. соч. С. 4.

- ¹² *Тартаковский А.Г.* «Великие воспоминания 1812 года» // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 21.
- ¹³ *Попов А.И.* Указ. соч. С. 4.
- ¹⁴ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 97.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Имеется ввиду «Изображение военных действий 1-й армии в 1812 году».
- ¹⁷ *Тартаковский А.Г.* «Великие воспоминания 1812 года». С. 17.
- ¹⁸ *Толь К.Ф.* Критика сочинения Описание Отечественной войны по Высочайшему повелению соч. Генерал-Лейтенантом Михайловским-Данилевским // Генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь в Отечественную войну. СПб., 1912. С. 164–223.
- ¹⁹ Там же. С. 169.
- ²⁰ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 76.
- ²¹ *Вистицкий М.С.* Из записок Вистицкого // *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильно, 1900. С. 181–195.
- ²² *Старынкевич Н.А.* «Жизнь моя с 1812 года, то есть со службы при армии, по июнь месяц 1825 года» // Труды ИРВИО. 1911. Кн. 6. Отд. 3. С. 1–6.
- ²³ *Толь К.Ф.* Указ. соч. С. 173.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 846. Д. 3496. Л. 1.
- ²⁵ *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков. М., 1990. С. 184.
- ²⁶ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 75.
- ²⁷ Там же. С. 75.
- ²⁸ *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. С. 75.
- ²⁹ *Ивченко Л.Л.* «Оправдательные письма» М.Б. Барклая де Толли. Их влияние на отечественную историографию 1812 г. // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Мат-лы IX Межд. науч. конф. Москва, 21 апреля 2006 года. М., 2006. С. 25–42.
- ³⁰ *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. С. 179.
- ³¹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Мнение генерала Михайловского-Данилевского о двух записках, представленных князем Барклаем де Толли Императору Александру I, по отбытии из русской армии и две копии с означенных записок. // РГВИА. Ф. 486. Д. 3465. Ч. IV. Л. 393–393об.
- ³² *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. С. 180.
- ³³ *Кзаков Н.И.* О записках М.Б. Барклая де Толли // Военно-исторический журнал, 1974. С. 106.
- ³⁴ *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. С. 285.
- ³⁵ Цит. по: *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 156.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 156–157.

³⁸ *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. С. 294.

³⁹ *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий первой Армии в 1812 году // Изображение военных действий 1812 года. Изд. 2-е. М., 2012. С. 5.

⁴⁰ Барклай де Толли М.Б. Оправдания генерала Барклая де Толли // Труды ИРВИО. Т.6. Ч.2. С. 72–73.

⁴¹ Там же. С. 68–70.

⁴² *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 73.

⁴³ *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 года. Киев. 1912. С. 45.

⁴⁴ *Санглен Я.И. де.* Записки Якова Ивановича де-Санглена. 1776–1831 (ре-принт). СПб., 1882. С. 546.

⁴⁵ *Шишков А.С.* Кто исчислит бедственные следствия... // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 122.

⁴⁶ *Толь К.Ф.* Указ. соч. С. 166.

⁴⁷ *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1997. С. 23.

⁴⁸ Там же. С. 27.

⁴⁹ *Вистицкий М.С.* Указ. соч. С. 182.

⁵⁰ *Беннигсен Л.Л.* Указ. соч. С. 40.

⁵¹ *К.Ф. Толь.* Указ. соч. С. 178.

⁵² Там же. С. 178–179.

⁵³ *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 27–28.

⁵⁴ Там же. С. 28.

⁵⁵ *Паскевич И.Ф.* «Походные записки». [1837–1838 гг.] // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 78.

⁵⁶ *Толь К.Ф.* Указ. соч. С. 182.

⁵⁷ *Беннигсен Л.Л.* Указ. соч. С. 16–17.

⁵⁸ *Паскевич И.Ф.* Указ. соч. С. 78.

⁵⁹ *Лукашевич А.М.* П.И. Багратион и подготовка операции по стратегическому охвату и удару в тыл Великой армии (июнь 1812 г.) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Матер. XVIII Межд. науч. конф, 2–4 сентября 2013 г. Бородино, 2014. С. 449–462.

⁶⁰ *Толь К.Ф.* Указ. соч. С. 181.

⁶¹ *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 34–35.

⁶² *Ермолов А.П.* Записки А.П. Ермолова. 1796–1826. М., 1991. С. 123–124.

⁶³ Там же. С. 124–125.

⁶⁴ *Мартенс К. фон.* Из записок старого офицера // Русская старина. 1902. № 1. С. 104.

⁶⁵ *Беннигсен Л.Л.* Указ. соч. С.41– 42.

⁶⁶ *Паскевич И.Ф.* Указ. соч. С. 79.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 80.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ *Толь К.Ф.* Указ. соч. С. 185.

⁷¹ *Паскевич И.Ф.* Указ. соч. С. 81.

⁷² *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 28.

⁷³ *Беннигсен Л.Л.* Указ. соч. С. 18.

⁷⁴ *Шишков А.С.* Кто исчислит бедственные следствия... С. 134.

⁷⁵ *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 126.

⁷⁶ *Левенитерн В.И.* Записки. 1790–1815. М., 2018. С. 161.

⁷⁷ *Сеславин А.Н.* «Великодушие. Барклай в 1812-м году». [1830–1840-е годы] // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 138.

⁷⁸ *Левенитерн В.И.* Указ. соч. С. 162.

⁷⁹ *Митаревский Н.Е.* Рассказы об Отечественной войне 1812 года Николая Евстафьевича Митаревского // Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. М., 2008. С. 203–215.

⁸⁰ *Щербачев Ю.Н.* Отрывочные заметки и письма, касающиеся Отечественной войны (из бумаг А.А. Щербинина). М., 1912. С. 10.

⁸¹ *Паскевич И.Ф.* Указ. соч. С. 80.

⁸² *Муравьев-Карский Н.Н.* Собственные записки: 1811–1816. М., 2015. С. 97.

⁸³ *Шишков А.С.* Указ. соч. С. 133.

⁸⁴ *Беннигсен Л.Л.* Указ. соч. С. 42.

⁸⁵ *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 35.

⁸⁶ *Паскевич И.Ф.* Указ. соч. С. 81.

⁸⁷ *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания 1802–1837. М., 2012. С. 186.

⁸⁸ *Паскевич И.Ф.* Указ. соч. С. 81.

⁸⁹ *Граббе П.Х.* Записки графа П.Х. Граббе // Русский архив. 1873. № 3. Ст. 427.

⁹⁰ *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 128.

⁹¹ *Левенитерн В.И.* Указ. соч. С. 184–185.

⁹² Замечания на войну 1812 года генерала Ладыгина. Публикация В.М. Безотосного // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XIII: Сборник материалов. К 200-летию Венского конгресса. М., 2015. С. 386.

⁹³ *Толь К.Ф.* Критика сочинения Описание Отечественной войны по Высочайшему повелению соч. Генерал-Лейтенантом Михайловским-Данилевским // Генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь в Отечественную войну. СПб., 1912. С. 186.

⁹⁴ *Толь К.Ф.* С. 188.

⁹⁵ *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 38.

⁹⁶ *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 187.

⁹⁷ Волконский С.Г. 1812-й год // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 84.

⁹⁸ Толь К.Ф. С. 189.

⁹⁹ Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 52.

¹⁰⁰ Замечания на войну 1812 года генерала Ладыгина. С. 387.

¹⁰¹ Вистицкий М.С. Указ. соч. С. 184.

¹⁰² Щербачев Ю.Н. Отрывочные заметки и письма, касающиеся Отечественной войны (из бумаг А.А. Щербинина). С. 11.

¹⁰³ Барклай де Толли М.Б. Изображение военных действий первой Армии в 1812 году. С. 14.

¹⁰⁴ Там же. С. 9.

¹⁰⁵ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 148.

¹⁰⁶ Толь К.Ф. Указ. соч. С. 195.